

УДК 343.26
ББК 67.408.022.1

П.В. Тепляшин,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ В СПЕЦИАЛЬНОМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье анализируются недостатки законодательной регламентации уголовного наказания в виде ограничения свободы. Критикуется судебная практика назначения и профилактическая эффективность данного наказания. С позиций метода сравнительного правоведения предлагаются соответствующие изменения и дополнения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: наказание; ограничение свободы; условное осуждение; осужденный; исправление; уголовно-исполнительная инспекция; домашний арест; электронный мониторинг; специальное предупреждение; преступность.

P.V. Teplyashin,
Ph. D. in Law, Ass. Professor

LIMITATION OF FREEDOM AS A CRIMINAL PUNISHMENT: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND EFFECTIVENESS IN SPECIAL CRIME PREVENTION

The paper analyses the drawbacks of legislative regulation of limitation of freedom as a form of criminal punishment. It criticizes the court practice of imposing this punishment and its prevention effectiveness. Using the method of comparative jurisprudence the author suggests corresponding changes and additions to criminal and penitentiary law.

Key words: punishment; limitation of freedom; suspended sentence; convict; correction; probation service; house arrest; electronic monitoring; special prevention; criminality.

Новая редакция уголовного наказания в виде ограничения свободы, которое широко известно под названием «домашний арест», фактически является копией «комендантского часа» («curfew»), выступающего одной из форм house arrest – англо-американского правового института. Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «мы имеем дело с заимствованием, а не самостоятельным отечественным правовым творчеством» [2, с. 1]. Вместе с тем объяснить заимствование такого уголовного наказания, как ограничение свободы в его новой редакции, можно недостатком базовых сведений по сравнительному правоведению.

Так, в России сформировалась иная практика исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, нежели в государствах, где господствуют традиции «общего права». Уголовно-исполнительные инспекции значительно ограничены в своих возможностях по наложению в отношении осужденных каких-

либо дополнительных обязанностей, выступая в этой части, по сути, лишь исполнителями воли суда. Например, уголовно-исполнительные инспекции не имеют возможности самостоятельно устанавливать периодичность явки условно осужденных и лиц, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, на регистрацию. Только суд может указывать периодичность явки условно осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию. Данная практика в полной мере согласуется с известными особенностями российской правовой системы, относящейся к континентальному праву.

С точки зрения зарубежного опыта обращения с осужденными и использования метода сравнительного правоведения, в отношении ограничения свободы как вида отечественного уголовного наказания можно сделать следующие критические замечания.

Во-первых, в содержании данного уголовного наказания сложно «разглядеть»

исправительный эффект. Так, ч. 1 ст. 53 УК РФ содержит комплекс ограничений («не уходить...», «не посещать...», «не выезжать...», «не участвовать...», «не изменять места жительства...»), по существу, являющихся запретами, применение которых направлено на предупреждение совершения новых преступлений осужденными к ограничению свободы, но не на их исправление. Применение при исполнении ограничения свободы электронного мониторинга также является не более чем технической мерой безопасности, направленной на контроль за поведением осужденного, а не на коррекцию нравственных свойств личности. Ведь режим исполнения наказания, кроме карательной, предупредительной и контролирующей функций, предполагает также исправительную (воспитательную) функцию, реализующуюся в первую очередь через дисциплинирование осужденного и переосмысление им своего поведения.

Как отмечал в свое время А.Л. Ременсон, воздействие режимных требований уголовного наказания «способно приводить к образованию нового сознания, действуя как «восстановитель» положительного сознания, находящегося под спудом, и как «катализатор», резко ускоряющий развитие нужного нравственного развития... тормозящее действие наказания способно мобилизовать положительную активность личности» [6, с. 58–59]. При этом роль режима в формировании у лиц, осужденных к ограничению свободы, уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения должна заключаться в корректировке таких негативных свойств личности лица, которые послужили основой формирования причин соответствующих преступлений. Вероятно, эта роль должна состоять в социальном дисциплинировании осужденного (в частности, своевременном посещении и возвращении с работы или учебы, своевременном проведении досуга). Данная роль режима проявляется и при исполнении других уголовных наказаний (например, при содержании в дисциплинарной воинской части соблюдение военнослужащим устава, нарушение которого лежало в основе воинского преступления, при исправительных работах – соблюдение дисциплины по месту работы,

нарушение которой привело к совершению преступления). Практически невозможно нацелить режим на коррекцию всех девиантных и тем более преступных свойств личности лица, отбывающего уголовное наказание.

Режим может одновременно корректировать некоторые, в первую очередь морально-нравственные, дефекты личности лица, совершившего преступление (например, соблюдение правил гигиены и санитарии при отбывании наказания в виде лишения свободы), но основная исправительная направленность режима должна быть нацелена на ликвидацию тех свойств, которые непосредственно привели к совершению общественно опасного деяния. Можно привести следующий пример из правоприменительной практики. Приговором мирового судьи судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 г. подсудимый С. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 130 УК РФ, был осужден к одному году и шести месяцам ограничения свободы. Одно из ограничений, закрепленное в приговоре, состояло в запрете выходить из квартиры в период с 17 часов до 6 часов утра [5].

Безусловно, такой длительный период обязательного пребывания дома значительно снижает возможности применения средств исправления осужденного. Более того, данное ограничение, оказывая отрицательное психологическое воздействие на осужденного, практически не будет способствовать предупреждению совершения им новых преступлений, поскольку указанные выше преступления были совершены С. у себя дома. Кроме того, они были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Однако судья не обязал осужденного пройти курс лечения от алкоголизма, которым, возможно, страдал осужденный.

В связи с данным практическим примером можно привести совершенно справедливое замечание В.С. Овчинского, указывающего, что рассматриваемое наказание ориентировано на лиц, которые «в быту пьянствовали, хулиганили, потребляли наркотики, избивали соседей. И что, предлагается их вернуть в ту же среду, которая помогла им стать преступниками, и назвать это мерой наказания? Что бы они, не испытав на себе реального наказания, вновь продолжали отравлять жизнь окружающим?» [3, с. 149–150].

Отчасти средством исправления осужденных к ограничению свободы выступает воспитательная работа, которую, согласно ч. 1 ст. 54 УИК РФ, уголовно-исполнительные инспекции могут проводить с осужденным. Однако законодатель не предусмотрел по отношению к лицам, отбывающим ограничение свободы, таких средств исправления, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, как общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Предполагается, что данные средства исправления либо уже до назначения наказания были «вплетены» в некоторые формы социальной деятельности осужденного (например учеба), либо лишь частично проявились в его профессиональной трудовой деятельности. Более того, в ч. 1 ст. 53 УК РФ закреплен запрет на изменение места работы или учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. В связи с этим можно предположить нежелание работодателя или администрации учебного заведения брать на работу или учебу таких осужденных, уволить или отчислить которых можно будет только с согласия уголовно-исполнительной инспекции. Следовательно, ограничение свободы оказалось «обездоленным» в средствах исправительного воздействия на осужденного.

В этой связи представляет интерес зарубежный опыт применения аналогичного наказания. Например, в Англии и Уэльсе домашний арест с использованием системы электронного мониторинга как мера наказания, не связанная с изоляцией от общества, исполняется на практике в соответствии с Законом об уголовной юстиции 1991 г., но более широко данный институт стал применяться с декабря 1999 г. [9]. Так, развитие в английской юридической науке новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию указанного закона, который ввел в действие новую модель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в том числе домашний арест. Закон утвердил данные наказания как самодостаточные, не являющиеся альтернативными мерами тюремному заключению. Было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в обще-

ство, т. е. исправлению преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных и иных программ [10]. В результате с организационной точки зрения произошел «толчок» по направлению расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами и иными государственными, общественными и частными структурами. Была произведена переоценка роли офицеров пробационных служб в деле исправления и реабилитации лиц, осужденных к рассматриваемым наказаниям. С одной стороны, они стали особым «звеном» между судом и осужденным лицом, находящимся в обществе под их надзором. С другой стороны, под влиянием вышеназванного закона и Национальных стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества, 1992 г. (и их пересмотренного варианта 1995 г.) офицеры пробационных служб до избрания меры наказания обязаны подготавливать и предоставлять суду отчет с рекомендациями о потенциальной возможности назначения «наказания в обществе», его формы и, если это необходимо, дополнительных условиях [7].

В настоящее время домашний арест регламентируется группой правовых актов, важнейшими из которых является Уголовный закон о нарушении общественного порядка 1998 г. и Закон о полномочиях уголовных судов 2000 г. В частности, секции 99 и 100 первого из них указывают на дифференцированное (в зависимости от объема закрепленных обязанностей и продолжительности домашнего ареста) использование системы электронного мониторинга (электронных ярлыков) в отношении лиц, содержащихся под домашним арестом.

Кроме того, обращает на себя внимание длительность сроков ограничения свободы. Как представляется, возможность назначения ограничения свободы сроком до четырех лет в качестве основного наказания демонстрирует случаи неподготовленного в сравнительно-правовом смысле обращения с инациональным правом. Например, «комендантский час» в Англии применяется сроком до шести месяцев, в течении которых осужденное лицо может быть не только ограничено в посещении определенных об-

щественных мест, увеселительно-развлекательных центров, пабов, управлении транспортным средством, но и обязано пройти антинаркотическую либо антиалкогольную программу, курс первоначального профессионального обучения, принять участие в волонтерской либо иной общественной деятельности [8, р. 195]. В этой связи можно согласиться с мнением Л.В. Головки, сомневающегося в эффективности длительного помещения лица в «социально замороженное состояние», в отношении которого «надзор превратится в нечто «вялотекущее» и сугубо формальное» [2, с. 10]. При этом качество исполнения данного наказания во многом зависит от осуществления так называемого электронного мониторинга. Однако, например в Красноярском крае, за шесть месяцев применения ограничения свободы ни по одному из 43 вступивших в законную силу приговоров не применялись технические средства надзора и контроля.

Вызывает возражение законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания. Так, ч. 2 ст. 53 УК РФ регламентирует назначение ограничения свободы на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части уголовного закона. Вместе с тем проблемы постпенитенциарной адаптации, высокая вероятность потери социально-полезных связей, сложности в трудоустройстве, приобретении жилой площади несовместимы с дополнительными ограничениями, которые несет в себе ограничение свободы. В связи с этим следует согласиться с Ю.В. Барановым, полагающим, что «наибольшую трудность для процесса ресоциализации освобожденных может представлять их изолированность, создаваемая как представителями общества, так и ими самими» [1, с. 191].

Как представляется, применение рассматриваемого наказания после освобождения из мест лишения свободы будет связано с нежелательной «стигматизацией» освобожденного, способной привести к нежелательным психическим процессам, связанным с формированием подозрительности, негативизма, агрессивности.

Применение уголовного наказания в виде ограничения свободы в отношении

лиц, освобожденных из исправительных учреждений, не гармонирует с задачами их ресоциализации и фактически препятствует процессу ресоциализации, поскольку в соответствии с замыслом законодателя доминирующее назначение ограничения свободы как дополнительного наказания – это не возобновление социализации осужденного, а карательно-исправительное воздействие на те негативные свойства личности, которые не могут быть исправлены (откорректированы) в период лишения свободы.

Исполнение ограничения свободы после освобождения лица из мест лишения свободы будет иметь нецелесообразный характер, поскольку либо создаст объективные трудности в социальной адаптации (например, значительно затруднит поиск работы, трудоустройство, включая работу вахтовым методом или в ночное время суток), либо автоматически превратит освобожденного лицо в злостного нарушителя порядка отбывания ограничения свободы (например, в случае отсутствия места жительства последнего) с последующим осуждением по ч. 1 ст. 314 УК РФ. Более того, суд по объективным причинам не может предвидеть характер и перечень ограничений, которые должны быть предусмотрены в отношении лица в будущем (например, через 12 лет лишения свободы при отбытии наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ).

Ограничения в подобных случаях будут носить предельно абстрактный характер, без учета тех возможных изменений, которые произойдут в личностной сфере осужденного и среди его социального окружения. Как верно отмечает Л.В. Головка, в развитых странах существует «совершенно иной механизм: государство сначала решает социальные проблемы освобожденного, а затем уже накладывает на него соответствующие обязанности (этим чаще всего занимается специальный судья по исполнению наказания) и следит за их исполнением» [1, с. 10].

Как представляется, в России контроль за поведением лиц, освобожденных из мест отбывания лишения свободы, и оказание помощи в их социальной адаптации и ресоциализации должны осуществляться специализированной пробационной службой в рамках института постпенитенциарного контроля (надзора).

Законодательно предусмотренная возможность назначения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания к лишению свободы уже приводит к существенным проблемам практического характера. Так, назначая лишение свободы условно и ограничение свободы, суд устанавливает в отношении осужденного во многом дублирующие обязанности и ограничения. В этой части между условным осуждением как иной мерой уголовно-правового характера и ограничением свободы как видом уголовного наказания возникает много общих уголовно-правовых свойств, которые не просто существенно осложняют задачи инспектора уголовно-исполнительной инспекции, но и нарушают принцип справедливости. Ведь согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Следовательно, «двойной эффект» одновременного применения обязанностей, вытекающих из испытательного срока условного осуждения, и ограничений, отражающих содержание ограничения свободы, не адекватен характеру и степени общественной опасности совершенного преступления.

В связи с этим показателен следующий пример. Байkitским районным судом Красноярского края 8 апреля 2010 г. подсудимый П. за совершение преступления, предусмотренного подп. «в» и «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, был осужден к трем годам шести месяцам лишения свободы условно и ограничению свободы на один год. При этом не изменять место жительства и не выезжать за пределы территории села Байkit без согласия уголовно-исполнительной инспекции № 58 ГУФСИН по Красноярскому краю одновременно явилось обязанностью и ограничением применительно как к условному осуждению, так и к ограничению свободы. Еще в качестве двух обязанностей при условном осуждении выступил курс лечения от алкоголизма и обязанность трудоустроиться. В качестве ограничений в приговоре закреплены: запрет уходить из дома в период с 23.00 до 07.00, не посещать места проведения массовых мероприятий и не участвовать в них, явка в уголовно-исполнительную инспекцию

один раз в месяц для регистрации [4]. Из данного приговора не ясно, какой исправительный и предупредительный эффект имеет назначение одновременно двух мер уголовно-правового характера. Ведь ограничения, закрепленные в нем, могли быть изложены в качестве обязанностей при условном осуждении. При этом процедура фиксации злостного уклонения лица от обязанностей и ограничений, наложенных в рамках различных мер уголовно-правового характера, и сами последствия такого уклонения будут иметь разнопорядковый характер, что создаст «путаницу» и даже конкуренцию в применении соответствующих норм уголовно-исполнительного законодательства.

Например, выезжая за пределы территории проживания без согласия уголовно-исполнительной инспекции, осужденный одновременно нарушит и обязанность, и ограничение, за которые он должен быть предупрежден. Однако в случае повторного нарушения этих предписаний в соответствии с требованиями об ответственности условно осужденных, предусмотренных ст. 190 УИК РФ, в отношении осужденного может быть подготовлено представление о продлении испытательного срока либо об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. В соответствии же с требованиями ст. 58 УИК РФ об ответственности осужденных к ограничению свободы в отношении осужденного должно быть подготовлено официальное предупреждение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Лишь после последующего нарушения порядка отбывания ограничения свободы и уже вынесенного официального предупреждения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений уголовно-исполнительная инспекция может подготовить представление в суд о факте злостного нарушения порядка отбывания наказания и необходимости привлечения осужденного к ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Таким образом, следует отметить достаточно прогрессивные и согласующиеся с отечественной практикой исполнения уголовных наказаний, но вместе с тем не учтенные нашим законодателем достижения соответствующего зарубежного опыта. Так, задачи гармоничного сочетания иностранных образцов в области обращения с осужденными

и соответствующей отечественной практики, а также повышение эффективности специального профилактического воздействия уголовного наказания в виде ограничения свободы настоятельно требуют внести в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство следующие новеллы и корректировки:

1) закрепить нормы, регламентирующие предварительное изучение специалистами уголовно-исполнительной инспекции личности осужденного, подпадающего под возможное применение к нему наказания в виде ограничения свободы, с целью подготовки индивидуальной программы обращения с данным лицом в случае его осуждения к

рассматриваемому наказанию. При этом перечень ограничений и обязанностей может быть самым разнообразным, отражающим потребности в исправлении конкретного осужденного, позволяющим максимально индивидуализировать наказание и исправительное воздействие с учетом совершенного преступления;

2) установить срок ограничения свободы до двух лет в отношении совершеннолетних осужденных и до одного года в отношении несовершеннолетних осужденных;

3) исключить возможность применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
2. Головки Л.В. Альтернатива лишению свободы — очередная химера? // ЭЖ-Юрист. — 2010. — № 3.
3. Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. П.С. Дагеля / науч. ред. А.И. Коробеев. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.
4. Приговор Байкитского районного суда Красноярского края от 8 апреля 2010 года в отношении П. Дело № 1-05/2010 // Архив Байкитского районного суда Красноярского края.
5. Приговор мирового судьи судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края от 12 февраля 2010 года в отношении С. Дело № 1-29/2010 // Архив судебного участка № 15 в Большемуртинском районе Красноярского края.
6. Ременсон А.Л. О воспитательной роли карательного воздействия в процессе деятельности исправительно-трудовых учреждений (статья третья) // Избранные труды. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2003.
7. Ashton J. and Wilson D. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. — 2nd ed. — Oxford : University Press, 2001. — 200 p.
8. Doherty M. Criminal Justice and Penology. — London : Old Bailey Press, 2000. — 254 p.
9. Whitfield D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders. — London : Waterside Press, 1997. — 144 p.
10. Worrall A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. — London and New York : Longman, 1997. — 170 p.
11. The Oxford Handbook of Criminology / edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. — 3rd ed. — Oxford : University Press, 2002. — 1228 p.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Baranov Yu.V. Stadii resotsializatsii osuzhdennykh v svete novykh sotsiologo-antropologicheskikh vozzreniy i sotsial'noy filosofii. — SPb. : Yuridicheskiy tsentr Press, 2006.
2. Golovko L.V. Al'ternativa lisheniyu svobody — ocherednaya khimera? // EZh-Yurist. — 2010. — № 3.
3. Ovchinskiy V.S. O reforme rossiyskoy penitentsiarnoy sistemy v usloviyakh finansovo-ekonomicheskogo krizisa // Ugolovnaya politika i pravo v epokhu peremen : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. pamyati prof. P.S. Dagelya / nauch. red. A.I. Korobeev. — Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2010.
4. Prigovor Baykitskogo rayonnogo suda Krasnoyarskogo kraya ot 8 aprelya 2010 goda v otnoshenii P. Delo № 1-05/2010 // Arkhiv Baykitskogo rayonnogo suda Krasnoyarskogo kraya.

5. Prigovor mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 15 v Bol'shemurtinskom rayone Krasnoyarskogo kraya ot 12 fevralya 2010 goda v otnoshenii S. Delo № 1-29/2010 // Arkhiv sudebnogo uchastka № 15 v Bol'shemurtinskom rayone Krasnoyarskogo kraya.

6. *Remenson A.L.* O vospitatel'noy roli karatel'nogo vozdeystviya v protsesse deyatelnosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy (stat'ya tret'ya) // *Izbrannye trudy*. — Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 2003.

7. *Ashton J. and Wilson D.* What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment. — 2nd ed. — Oxford : University Press, 2001. — 200 p.

8. *Doherty M.* Criminal Justice and Penology. — London : Old Bailey Press, 2000. — 254 p.

9. *Whitfield D.* Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders. — London : Waterside Press, 1997. — 144 p.

10. *Worrall A.* Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice. — London and New York : Longman, 1997. — 170 p.

11. The Oxford Handbook of Criminology / edited by *M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner*. — 3rd ed. — Oxford : University Press, 2002. — 1228 p.

Информация об авторе

Тепляшин Павел Владимирович (Красноярск) — кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета по подготовке научно-педагогических кадров. Сибирский юридический институт МВД России (660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, e-mail: pavlushat@mail.ru)

Information about the author

Teplyashin, Pavel Vladimirovich (Krasnoyarsk) — Ph. D. in Law, Ass. Professor, Post-Doctoral Researcher, Research and Teaching Staff Training Department. Siberian Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs (20, Rokossovsky str., Krasnoyarsk, 660131, e-mail: pavlushat@mail.ru)